

Н. С. ДЕМКОВА

**Из комментария к тексту «Слова о полку Игореве»:  
«...сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,  
а друзии — Давидовы...»**

Эта фраза входит в состав одного из лирических отступлений «Слова», в котором автор сокрушается о трагической судьбе современной ему Руси, потерявшей свое бывшее могущество: «О, стонати Руской земли, помянувшѣ пръвую годину и пръвыхъ князей! Того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нѣ розно ся имъ хоботы пашуть, копия поють».<sup>1</sup> В смысловом и даже в композиционном отношении этот текст может быть интерпретирован как «авторский плач», завершающий тему «золотого слова» Святослава — прямого призыва князей к защите Руси, к военному союзу князей-братьев, к прекращению княжеских междоусобиц. Сразу за ним в тексте памятника идет плач Ярославны.

Тематическая близость «авторского плача» к «золотому слову» Святослава позволила ряду исследователей и переводчиков «Слова», начиная с А. С. Шишкова и В. А. Жуковского, рассматривать его как часть «золотого слова» великого киевского князя, включающего в свой состав весь «полоцкий фрагмент»: его зачин («уже бо Сула не течеть...»), описание смерти юного Изяслава, обращение к враждующим «внукам» Ярослава Мудрого<sup>2</sup> и Всеслава Полоцкого, «песнь» о самом Всеславе (В. Ф. Ржига, А. С. Орлов и др.), в то время как другие ученые (в их числе Н. М. Карамзин, В. Н. Перетц, Н. К. Гудзий, О. В. Творогов, Б. А. Рыбаков, Н. А. Мещерский) воспринимали весь этот текст как авторскую речь.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Текст «Слова» цитируется здесь и далее по изданию Слово о полку Игореве / Сост и подгот текста Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева, Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева, Л., 1967, С. 43—56 («Библиотека поэта» Большая серия), за одним — в данном случае — исключением в конце цитаты изменена пунктуация. В издании 1967 г. окончание цитаты интерпретировано как самостоятельная фраза «Копия поють!», с примечанием «Связь этих слов с окружающим контекстом неясна» (Там же С. 519). На мой взгляд, правы те издатели «Слова», которые воспринимают эти слова как продолжение того же предложения: они входят в общее описание воинской стати дружин Рюрика и Давида (и синтаксически, и ритмически этот текст подобен предыдущему).

<sup>2</sup> Я принимаю чтение Д. С. Лихачева («Ярослави и вси внуци Всеслави!») см. Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М., Л., 1950, С. 450—452 (Сер. «Лит. памятники»).

<sup>3</sup> Подробный обзор различных точек зрения см. в статье Соколова Л. В. Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 7—46.

Причиной весьма различных подходов исследователей к проблеме границ «золотого слова» является риторическая природа памятника и, как следствие, пронизанность текста «Слова» лирическим началом, что ведет подчас к нерасторжимости речи литературного героя и самого автора. Эту кардинальную особенность строения «Слова» хорошо объяснил И. П. Еремин, рассматривая явление перехода речи героя в речь автора как специфическую черту поэтики жанра торжественного красноречия: «Характерная особенность прямой речи в памятниках художественной ораторской прозы <...> заключается в том, что речь героя здесь всегда, как правило, одновременно и речь „автора“...; речь героя... — начинает звучать в унисон речи „автора“, начинает переключаться в нее, в результате чего грань, отделяющая речь героя от речи „автора“, иногда начисто стирается. В „Слове о полку Игореве“ типичным примером такого „вольного“ перехода прямой речи героя в речь „автора“ может служить прежде всего „злато слово“ князя Святослава. Здесь „автор“ систематически перебивает речь своего героя, то отбирая у него это „злато слово“, то возвращая назад».<sup>4</sup> Именно поэтому, с точки зрения И. П. Еремина, невозможно «точно указать, где именно кончается „злато слово“».<sup>5</sup> Многозначность смысловых подтекстов, присущая «Слову», заметно осложняет дело.

Однако, как это ни сложно, разграничение разных и, казалось бы, почти не разъединяемых, «сросшихся» текстов повествования о событиях 1185 г. и авторского отклика на эти события оказалось возможным,<sup>6</sup> метод логического прочтения фрагментов, завершающих речь Святослава, примененный Л. В. Соколовой в названной выше статье,<sup>7</sup> анализ их смысла, интонации и др. доказательно подтвердил разделяемое ею суждение Е. В. Барсова об объеме «золотого слова»: речь Святослава как литературного персонажа «Слова» заканчивается на обращении к волынским князьям Ингварю, Всеволоду и «трем Мстиславичам» («Загородите Полю ворота...»),<sup>8</sup> следующий далее «полоцкий фрагмент» — полностью, включая обращение к русским и полоцким князьям, принадлежит «голосу» самого автора.

Таким образом, «авторский плач» о Русской земле, включающий фразу о стягах Рюрика и Давида, оказывается последним «аккордом» в этом большом, собственно «авторском» фрагменте «Слова», содержащем горестные размышления автора о гибельных для Руси результатах княжеских междоусобиц: из-за княжеских «катор» «бъше насилие» «от земли Половецкыи!» Плач организован как четкая антитеза двух эпох, — что издавна отмечалось исследователями,<sup>9</sup> — эпохи идеализированных «первых времен» единой и сильной Руси, когда правил «старый Владимир»

<sup>4</sup> Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перегэ. М., Л., 1950. С. 110.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> О необходимости и возможности разграничения основного сюжета повествования о походе Игоря и авторского комментария к нему см. важнейшую для изучения художественной структуры «Слова» статью Т. М. Николаевой Николаева Т. М. Функционально-смысловая структура антитез и повторов в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Комплексные исследования. М., 1988. С. 103—124.

<sup>7</sup> См. сноску 3.

<sup>8</sup> Точный и доказательный исторический комментарий, установивший наконец имена безымянных ранее Мстиславичей, их родовые и политические связи содержится в книге Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 485—489.

<sup>9</sup> По словам Б. А. Рыбакова, например, «старые времена Владимира противопоставлены печальной современности» (Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 91). Известный американский славист Дин Ворт считает эту антитезу контрапунктом «Слова», выражением основной темы памятника, автор которого тоскует по ушедшим временам сильной, единовластной Руси (Ворт Д. К. «Слово о полку Игореве» как архаическая культурная модель // Philologia Slavica. М., 1993. С. 32—33).

(по-видимому, Владимир Святославич), и времени «нынешних» князей, у которых нет согласия в действиях и чьи стяги развеваются «розно». Однако представляется существенным определить композиционную роль фрагмента в общей структуре памятника: в цельной композиции центральной части «Слова» «авторский плач» выполняет, с моей точки зрения, функцию авторского комментария и авторского заключения к «золотому слову» Святослава, вторя ему и одновременно значительно усиливая обличительный пафос речи великого киевского князя.

Отметим специально композиционную симметричность «авторского плача» по отношению к начальной — первой — части «золотого слова», содержащей «слезы» Святослава: «Нъ се зло: княжь<sup>10</sup> ми не пособие», — жалуется Святослав, «...розно ся имъ хоботы пашуть», — мрачно откликается голос автора. Адекватность содержания этих текстов образует смысловую рифму и отражает глубинные композиционные связи, существующие в структуре памятника между далекими, казалось бы, по местоположению фрагментами.<sup>11</sup> Принцип композиционной симметрии и далее использован автором, оба горестных суждения о княжеских расправах, гибельных для Руси, симметрично сменяются ораторскими структурами: в первом случае — речью Святослава, обращенной к князьям, с просьбой помочь Руси и князю Игорю, во втором — плачем Ярославны, обращающейся к природным стихиям с подобной же просьбой о помощи.

Вернемся, однако, к комментируемой фразе «о стягах Рюрика и Давида», анализируя ее смысл в составе предложенной автором антитезы: «О, стонати Руской земли, помянувшѣ пръвую годину и пръвѣхъ князеи! Того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы».

Начиная с первых издателей «Слова» и Н. М. Карамзина, упоминание о «старом Владимире» понималось как сожаление о том, что нельзя было на веки вечные удержать Владимира во главе Киевского государства, а «теперь знамена его достались одни Рюрику, а другия Давиду...».<sup>12</sup> Н. М. Карамзин в своем пересказе «Слова» в «Истории государства Российского» разъяснил и самый смысл выражения «нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ»: «О времена бедственные! Для чего нельзя было пригвоздить старого Владимира к горам Киевским (или сделать бессмертным)!».<sup>13</sup> Таким же образом заботливо разъясняли текст переводы М. Деляро, А. Майкова, С. Шервинского<sup>14</sup> и других, большинство же переводчиков, возможно, стремясь к сохранению лаконизма оригинала (В. А. Жуковский, Ив. Новиков, В. И. Стеллецкий и др.),<sup>15</sup> оставляло выражение «пригвоздить» без перевода, лишь иногда заменяя

<sup>10</sup> На мой взгляд, слово «княже» (так в первом издании и в Екатерининской копии) следует читать как «княжье» паерок, обозначающий смягчение, мог быть легко утрачен в рукописи в этом слове (он встречается в Екатерининской копии, возможно, отражая графику оригинала), собирательное существительное «княжье» часто используется в летописном повествовании XII в., см., например, сообщение Лаврентьевской летописи о том, что в 1186 г. Святослав собирался идти в поход «со всею князьею» (ПСРЛ М., 1997 Т. I Стб. 397), так читал это слово и Б. А. Рыбаков (Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники С. 182).

<sup>11</sup> О смысловых рифмах в «Слове» и системе повторов в его тексте см. Демкова Н. С. Средневековая русская литература СПб., 1997 С. 18—33.

<sup>12</sup> Ироическая песьнь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языкомъ въ исходѣ XII столетия с предложениемъ на употребляемое нынѣ наречие М., 1800 С. 37.

<sup>13</sup> Цитирую по изданию «Слова» 1967 г. (см. сноску 1) С. 119.

<sup>14</sup> Там же С. 145, 161, 196.

<sup>15</sup> Там же С. 132—133, 242, 260.

его адекватным «приковать» (как в первом издании), полагаясь, по-видимому, на смысленность читателя, способного творчески перебирать в уме варианты отдельных значений и общего смысла.<sup>16</sup>

Совсем новую трактовку этой фразы «Слова» предложил в 1950 г. Д. С. Лихачев. Согласно его точке зрения, «здесь, несомненно, <...> разумеется Владимир I Святославич с его многочисленными походами на внешних врагов Русской земли. Владимира нельзя было удержать в Киеве: так он стремился к походам против врагов».<sup>17</sup> В «Объяснительном переводе» к «Слову» эта идея подробно объяснялась: «Того старого Владимира [Святославича] нельзя было пригвоздить к горам киевским [так часто он ходил в походы на недругов Русской земли; вот ведь [и] теперь встали стяги [приготовившись к походу] Рюрика [Ростиславича], и другие [его брата] Давыда [Ростиславича], но врозь у них развеваются полотнища [нет между ними согласия]. [Забыты, следовательно, походы первых русских князей на врагов Руси, в нынешних походах нет между князьями согласия]».<sup>18</sup> Таким образом, с точки зрения Д. С. Лихачева, в этом фрагменте «Слова» речь идет об активной политике киевских князей на пользу Руси в «первые времена» ее истории (в годы княжения Владимира Святославича) и об упадке их деятельности теперь («нынѣ»), когда активная внешняя политика киевских князей была «забыта». Возможно, Д. С. Лихачев отталкивался в этом объяснении от интерпретации А. А. Потебни, который писал: «Думают, что здесь сожаление о том, что Владимира нельзя было пригвоздить <...> то есть сделать вечным... Совсем напротив: здесь завидуют Владимиру. Это объясняет, почему воспоминание о нем должно возбуждать скорбь» и переводил часть фрагмента о Владимире следующим образом: «Того старого Владимира (Мономаха, при подобных нынешних обстоятельствах) нельзя было (было бы?) пригвоздить к горам киевским (удержать в Киеве, заставить сидеть там в бездействии, как сидит Святослав теперь)».<sup>19</sup> Однако дальнейший текст о Рюрике и Давиде А. А. Потебня трактовал в духе установившейся традиции: «Его стяги (дружина) стали теперь Рюриковы, а другие — Давыдовы, но у них (Рюрика и Давида) врозь развеваются бунчуки».<sup>20</sup>

Такое же объяснение выражения памятника о стягах Рюрика и Давида, как в «Комментарии» Д. С. Лихачева к «Слову» (1950), есть и в другой его работе — статье «Устные истоки художественной системы „Слова о полку Игореве“»: «сего бо нынѣ сташа стязи (то есть приготовились к походу) Рюриковы, а друзии — Давидовы...».<sup>21</sup> Ритмический перевод Д. С. Лихачева закрепил такое чтение «Слова»:

«Того старого Владимира  
Нельзя было пригвоздить к горам киевским

<sup>16</sup> В прозаических переводах известных исследователей «Слова» А. С. Орлова и И. П. Еремина выражение «пригвоздить» также оставлено без перевода (см. Орлов А. С. Слово о полку Игореве 2-е изд. М., Л., 1946 С. 85. Художественная проза Киевской Руси XI—XIII ввек / Сост., переводы и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. М., 1957 С. 249).

<sup>17</sup> Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический С. 459

<sup>18</sup> Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря, Игоря сына Святославова, внука Олегова (объяснительный перевод) // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц М., Л., 1950 С. 97—98 (Сер. «Лит. памятники»)

<sup>19</sup> Потебня А. А. Слово о полку Игореве Харьков, 1914 С. 133

<sup>20</sup> Там же

<sup>21</sup> См. Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц М., Л., 1950 С. 73

Вот ведь и теперь встали стяги Рюриковы,  
А другие — Давыдовы,  
Но врозь у них полотнища развеваются»<sup>22</sup>

Совершенно очевидно, что в этой интерпретации текста Д. С. Лихачев исходил из военно-терминологического смысла выражения. стяги «ставили» перед выступлением в поход (ср в «Слове»: «стоять стяги въ Путивль») или перед началом боя (ср. в ПВЛ под 1093 г. «.. поставиша стяги свои») Однако в тексте «Слова» (и в первом издании, и в Екатерининской копии), как цитировал это и сам Д. С. Лихачев, зафиксировано слово «сташа», а не «всташа», что совсем не одно и то же.<sup>23</sup> Тем не менее трактовка Д. С. Лихачева закрепилась в ряде последующих переводов памятника и в комментариях к нему.<sup>24</sup>

Интерпретацию комментируемого текста, предложенную Д. С. Лихачевым, использовали такие поэты-переводчики XX в., как С. Ботвинник, Н. Рыленков, А. Чернов и другие,<sup>25</sup> она учтена в комментарии к изданию «Слова» Н. А. Мещерского и А. Н. Бурыкина,<sup>26</sup> отчасти (причем своеобразно) — в новейшем комментарии А. А. Горского.<sup>27</sup>

<sup>22</sup> Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря, сына Святослава, внука Олегова (ритмический перевод) // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1950. С. 70 (Сер. «Лит. памятники»)

<sup>23</sup> Глагол «стать-стати» — многозначный, он может обозначать пространственное положение субъекта и в этом значении оказывается синонимичен глаголу «стоять» (совершенный вид — «встать»). Но при таком его употреблении необходимо указание на место действия. Здесь же глагол «стати» употреблен в своем основном значении, указывающем на состояние субъекта действия или на процесс становления (см. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1978. Вып. 5. С. 213)

<sup>24</sup> См., например, перевод Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова в издании Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 64 («Библиотека поэта» Большая серия) «а ныне встали стяги Рюрика, а другие — Давыда», в издании 1997 г. ритмический перевод Д. С. Лихачева несколько модифицирован «Теперь же встали стяги Рюриковы» (БЛДР. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 578). Отметим, что и в том и в другом случае перевода, издаваемого без объяснений, мотив приурочивания князей Рюрика и Давида к походу заметен приглушен.

<sup>25</sup> См. Слово о полку Игореве. Л., 1967 и Л., 1985 («Библиотека поэта» Большая серия. 2-е и 3-е изд.)

<sup>26</sup> Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Л., 1985 («Библиотека поэта» Большая серия)

<sup>27</sup> Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова / Вступ. статья, подгот. текста, перевод с древнерусского, комментарий и приложение А. А. Горского. М., 2002. Комментарий А. А. Горского к анализируемому фрагменту «Слова» вызывает некоторое недоумение. Комментарий настолько невнятен синтаксически (типографские ошибки?), что его трудно изложить, поэтому цитирую полностью: «Современные князья неспособные успешно противостоять половецкому натиску, противопоставляется (так! — Н. Д.) „старому Владимиру“, которого „нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ“, то есть заставить вести по отношению к степи оборонительную политику. Такая характеристика более подходит к Владимиру Мономаху, организовывавшему походы, в т. ч. далекие, в Половецкую степь, и сумевшему вынудить отца Кончака откочевать на Кавказ (см. прим. к стр. 155). Владимир Святославич тоже совершил ряд далеких походов, но не на степных кочевников — против занимавших в его время степи Северного Причерноморья печенегов он как раз применял оборонительную тактику (см. ПВЛ. Ч. I. С. 83)» (Горский А. А. Комментарий. С. 161). Понятен основной смысл комментария «старый Владимир» — это, скорее всего, Владимир Мономах, а не Владимир Святославич, все остальное звучит неправдоподобно несвязно. Неясной остается самая суть обвинения князей: кого из них нельзя «заставить вести по отношению к степи оборонительную политику»? «Современных князей»? «Старого Владимира»? Нисколько не сомневаясь в праве исследователя видеть в «старом Владимире» — вслед за С. М. Соловьевым, Б. А. Рыбаковым и другими — Владимира Мономаха, а не Владимира Святославича, отметим, однако, очевидное нарушение правил введения полемического материала в комментарий. Используя (без ссылки) мысль Д. С. Лихачева о том, что характеристика князя, которого «нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ», означает не что иное, как указание на «многочисленные походы» этого князя «на внешних врагов Русской

Один из наиболее выверенных современных научных переводов «Слова» — перевод О. В. Творогова — восстанавливает традиционное понимание текста в анализируемом фрагменте «Слова». Оставляя без перевода и пояснений первую часть антитезы («Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам Киевским»), О. В. Творогов в переводе ее второй части подчеркивает разобщенность князей, сепаратность их действий, избегая при этом употребления глаголов «стали» (см. первое издание) и «встали» (см. перевод Д. С. Лихачева): «а ныне одни стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, и порознь их хоругви развеваются».<sup>28</sup> О. В. Творогов восстанавливает таким образом понимание текста о стягах Рюрика и Давида как обозначение их принадлежности этим князьям, чьи дружины расходятся в разные стороны.

Примечания Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина к комментируемому тексту «Слова» испытали, как уже отмечалось, некоторое влияние точки зрения Д. С. Лихачева 1950 г. (относительно «старого Владимира» они поясняют: «По-видимому, подчеркивается широкий политический кругозор Владимира и масштабы его походов»)<sup>29</sup> однако перевод Н. А. Мещерского фразы о стягах Рюрика и Давида ориентируется, как и перевод О. В. Творогова, на традиционное понимание текста: «а ведь ныне одни его стяги стали Рюриковы, а другие — Давыдовы».<sup>30</sup> Правда, смысл перехода стягов от одного князя к другому для комментаторов остался неясен: «Упоминание о том, что стяги „старого Владимира“ ныне принадлежат Рюрику и Давыду Ростиславичам <...> не совсем понятно».<sup>31</sup>

Отметим, что в переводе и Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и О. В. Творогова речь шла только о стягах Рюрика и Давида, стяги «старого Владимира» в переводе не упоминались. В переводе же Н. А. Мещерского, только что процитированном, упоминаются еще и стяги Владимира («его стяги»), и это очень распространенный вариант перевода, начиная с первого издания.<sup>32</sup>

земли» (см об этом выше, с 165), А. А. Горский возражает Д. С. Лихачеву и сложившейся новой традиции комментирования этого фрагмента, вновь ни на кого и ни на что не ссылаясь «Такая характеристика более всего подходит Владимиру Мономаху» «Какая «такая характеристика»? И по сравнению с чьей она «более подходит» Владимиру Мономаху? Без ссылки на интерпретацию этого фрагмента «Слова» Д. С. Лихачевым эти вопросы остаются без ответа

<sup>28</sup> Слово о полку Игореве / Перевод и коммент О. В. Творогова // ПЛДР Вып. 2 С. 385, см также БЛДР Т. 4 XII век С. 265

<sup>29</sup> Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» С. 476

<sup>30</sup> Там же С. 44

<sup>31</sup> Там же С. 476 По-видимому, комментаторов смутило то обстоятельство, что стяги киевского князя должны были бы находиться в 1185—1187 гг. (традиционно предполагаемое время создания «Слова») в руках князей-двумиров, правящих в эти годы южной Русью, — Рюрика Ростиславича и великого киевского князя Святослава Всеволодовича, а не «Рюрика и Давида». Этим можно объяснить внимание комментаторов к теме военной ответственности Рюрика «Хотя номинально Святослав и Рюрик Ростиславич были соправителями, военная власть, очевидно, принадлежала Рюрику Давыд Ростиславич, как известно, далеко не всегда выступал на стороне своего брата» (Там же)

<sup>32</sup> «Теперь знамена его достались одни Рюрику, а другие Давиду» — первое издание (с. 37), так же — В. Капнист (поэтические переводы «Слова» здесь и далее цитируются по изданию Слово о полку Игореве Л., 1967) «стяги его стали ныне Рюриковы» — В. А. Жуковский, аналогично переводили такие исследователи «Слова» XX в., как А. С. Орлов (Орлов А. С. Слово о полку Игореве С. 85) и И. П. Еремин (Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков С. 249), очень близким является перевод известного комментатора «Слова» Е. В. Барсова «Стяги его теперь стали одни Рюриковы, другие

У большинства переводчиков «Слова» не возникало и сомнения в том, что во второй части комментируемой антитезы речь идет об изменении принадлежности стягов киевского князя, о переходе «нынѣ» стягов «старого Владимира» в новые руки — Рюрика и Давида Ростиславичей.

Дело в том, что слово «сего» в начале фразы вводит в заблуждение, оно воспринимается как грамматическая форма родительного падежа единственного числа указательного местоимения мужского рода «сей» (указательные местоимения *тъ, тыи, того, се, сей* широко используются в различных грамматических конструкциях «Слова»; ср строчкой выше «того Владимира» и др.). Поэтому подавляющее число переводов «Слова» переводит слово «сего» притяжательным местоимением «его», дополнительно вводя от себя отсутствующее в этой части фразы предполагаемое подлежащее «стяги». Именно так поясняет в комментарии подобное понимание текста один из последних по времени переводчиков «Слова» А. А. Горский: «Имеется в виду, что знамена „сего“, т. е. Владимира, перешли к его потомкам».<sup>33</sup>

Следует признать, что подобный перевод не адекватен тексту оригинала: в тексте «Слова о полку Игореве» читается не «сего стязи», но «...сего бо нынѣ сташи стязи..» Слово «сего» функционирует в тексте не как отдельное указательное местоимение, но в составе слитного словосочетания «сего бо», и в этом случае оно употребляется, как пишет В. Л. Виноградова, «в значении причинного союза».<sup>34</sup> А чуть выше В. Л. Виноградова в том же «Словаре-справочнике» «Слова» дала более подробное описание того, как указательное местоимение среднего рода «се» используется в значении усилительной частицы и «с последующей частицей „бо“ служит для присоединения предложения, раскрывающего причину того, о чем говорится в предшествующем»<sup>35</sup>

Таким образом, являясь по грамматической форме указательным местоимением, слово «сего» в сочетании с частицей «бо» выполняет функцию причинного союза и свидетельствует о наличии в тексте подчинительной (причинной) связи.

Пунктуация первого издания<sup>36</sup> учитывала значение словосочетания «сего бо...» как причинного союза: двоеточие, поставленное перед ним, обозначило причинную связь предложений. Но связь эта была учтена лишь формально, так как пунктуация связала вместе лишь два последних предложения фрагмента — о «старом Владимире» и «нынешних» князьях, начало же фрагмента («О стонати Русской земли .») было оставлено за

Давида » (Барсов Е В Слово о полку Игореве как художественный памятник киевской дружинной Руси М, 1885 Т 1, ч 2 С 63), вариант этого значения принадлежности стягов находим в переводе А А Потебни, который придавал слову *стяги* переносное значение *дружины, войска* «его стяги (дружина) стали теперь Рюриковы » (Потебня А А Слово о полку Игореве С 133), новейший переводчик А А Горский передает текст аналогично переводу Н А Мещерского « одни его стяги стали Рюриковы (Слово о полку Игоревѣ С 198) Дополнительно уточняя в 1997 г предлагаемую мной датировку «Слова» 1195—1196 гг, я также употребила это неточное выражение, присущее традиции перевода «Предлагаемая датировка „Слова“ разъясняет упоминания автора о стягах Рюрика и Давида, которые сменили „нынѣ“ стяги „старого“ киевского князя Владимира» (Демкова Н С Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н С Средневековая русская литература Л, 1997 С 48), в первоначальном тексте статьи 1973 г была более правильная формулировка « упоминание автора о стягах Рюрика и Давида, которые сменили „нынѣ“ легендарного Владимира» (Демкова Н С К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ 1973 № 14 Вып 3 С 77)

<sup>33</sup> Слово о полку Игоревѣ С 161

<sup>34</sup> Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Вып 5 С 124

<sup>35</sup> Там же С 123

<sup>36</sup> См Ироническая песнь С 34

пределами этой связи, издано как отдельное законченное предложение.<sup>37</sup> Такая пунктуация породила бессмыслицу: получалось, что Владимира нельзя было «пригвоздить къ горамъ Киевскимъ» потому, что «ныне» стязи находятся у Рюрика и Давида.

Анализ смысловых и композиционных связей всего комментируемого фрагмента с текстом памятника позволил сделать вывод о его семантической и синтаксической цельности и одновременно позволил обнаружить ту неразработанность, незавершенность взаимоотношений подчинительных и присоединительных связей, которая свойственна памятникам древнерусского языка старшей поры.

Цельность фрагмента и объективно существующая нерасторжимая связь первого и третьего предложений в его составе станут абсолютно наглядной, если убрать из текста фрагмента второе предложение с упоминанием о «старом Владимире»:

«О стонати Руской земли  
помянувшє пръвую годину и пръвыхъ князей  
сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы »

Право на такую, разумеется, мысленную, операцию с текстом «Слова» дает то обстоятельство, что фраза о «старом Владимире», дополняя и конкретизируя воспоминание о «первых князьях», является фактически смысловым повтором части первой строки, и вынесение ее за пределы текста ничего не меняет в общем ходе мысли автора.

Связь же между вторым и третьим предложениями фрагмента — присоединительная, это связь со-противопоставления, ее наличие устанавливается по смыслу и на основании подобия и параллелизма строк («того... сего»); оба предложения (второе и третье) уравниваются в своих отношениях к главному — первому — предложению, оба они являются придаточными предложениями, раскрывающими причину предрекаемого автором плача Русской земли («О стонати Руской земли...»)<sup>38</sup>.

Таким образом, перед нами не несколько отдельных, причем неполных, предложений, требующих словесного дополнения, но одно сложно-подчиненное предложение с двумя придаточными предложениями причины; в одном случае эта связь четко обозначена, в другом — какие бы то ни было грамматические маркеры этой связи отсутствуют. Установленный смысл фрагмента и грамматические связи отдельных его частей требуют, на мой взгляд, иной пунктуации:<sup>39</sup>

<sup>37</sup> Операция отделения первого предложения от остальной части фрагмента с помощью той или иной пунктуации стала традиционной для изданий «Слова» и его переводов

<sup>38</sup> В Н Калиновская обратила мое внимание на существование в «Русской правде» ряда сходных конструкций, когда в сложноподчиненном предложении (с придаточным условием) в качестве главного предложения выступает инфинитив Сердечно благодарю В Н Калиновскую за обсуждение этого фрагмента статьи См также Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригю и Готским берегом (1229 г) // Образцы древней письменности СПб, 1849 Табл 11

<sup>39</sup> Вопрос о пунктуации в изданиях «Слова о полку Игореве» один из самых сложных, так как объективно существует трудность расстановки знаков препинания по кодифицированным современным правилам в древнем тексте XII в, когда становление синтаксических связей, присущих современному языку, было еще далеко не завершено К тому же случай со «Словом» совсем особый ввиду свойственной памятнику многозначности смыслов отдельных образов и обилия тропов На сложность проблемы пунктуации в «Слове» справедливо обращала внимание Л В Соколова (см Соколова Л В Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» Л, 1968 С 68)

«О стонати Руской земли,  
помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей  
того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити  
к горамъ Киевскимъ,  
сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,  
а друзии — Давидовы,  
нѣ розно ся имѣ хоботы пашуть,  
копиа поютъ»

Обращает на себя внимание уже отмеченная выше смысловая близость, можно сказать, стилистическая синонимия выражений о «первых князьях» и «старом Владимире». Вторая строчка фрагмента (о «старом Владимире») — не что иное, как смысловой повтор первой, причем повтор не буквальный, а с вариациями смысла: автор дополняет и конкретизирует содержание обобщенного понятия «первые князья», расширяя объем исторической памяти, заключенной в тексте, и одновременно выстраивает образную картину мира, насыщая ее символами, значимыми для средневекового понимания. Один из таких символов — «старый Владимир», мудрый и сильный князь (образ, близкий к эпическому идеалу), время правления которого, однако, уже миновало; другой — «Киевские горы», на которых находится «златоверхий» великокняжеский терем — эпический центр происходящих на Руси событий.

На этом ушедшем в прошлое идеальном фоне остро воспринимается в комментируемом фрагменте фраза «сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы»: «старого» Владимира не вернуть, ныне на Руси — стязи Рюрика и Давида Ростиславичей...

Стремясь выявить публицистический пафос «Слова», особое внимание исследователи обращали на выражение «нынѣ», рассматривая его как указание автора на злободневность, «сиюминутность» упоминаемых в тексте событий. Так, в «Стилистическом и лексическом комментарии к „Слову о полку Игореве“» В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание на связь этого выражения и всей фразы с конкретными событиями лета 1185 г., полагая, что в упоминании о стягах Рюрика и Давида отразился непосредственный отклик автора на отказ Давида Ростиславича Смоленского выступить против половцев по призыву Святослава Киевского после разгрома Игоревых дружин в мае 1185 г., в результате чего общий поход князей в половецкую степь был сорван: эти слова «написал автор вскоре после события, представленного в этом образе врозь развевающихся знамен <...> Это самый близкий и непосредственно связанный с неудачей похода Игоря факт из цепи княжеских „кромол“ и „усобиц“. Голос современника прозвучал в этом „нынѣ“». <sup>40</sup>

С последним утверждением невозможно не согласиться значение слова «нынѣ» как «теперь, в настоящее время» <sup>41</sup> бесспорно. Однако только ли к ситуации сепаратных действий Давида Смоленского летом 1185 г. можно отнести это «нынѣ»? В равной степени слово «нынѣ» можно понимать и как указание на период совместного властвования в Киевской Руси Рюрика и Давида Ростиславичей.

Напомним, что власть в «Руськой землѣ» Рюрик и Давид Ростиславичи получили только после смерти в конце июля 1194 г. великого киевского князя Святослава Всеволодовича, соправителем которого долгие годы был Рюрик. Сразу же после смерти Святослава Рюрик послал в

<sup>40</sup> Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков Л., 1968 С. 169

<sup>41</sup> См. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова Л., 1969 Вып. 3 С. 178

Смоленск за братом («Се, брате, се вѣ осталася старѣиши всѣхъ в Русьской землѣ. »), и они начали «ряды рядить» о Русской земле, занимаясь обычным в такой ситуации перераспределением территории Руси и решительно оттесняя Ольговичей от киевского стола. В Киевской летописи подробно описываются радость и ликование братьев Ростиславичей, всей Русской земли «о княжении Рюриковѣ», их многочисленные праздничные пиры с киевлянами, духовенством, «черными клобуками», сообщается и результат княжеской встречи: Давид «с братомъ своимъ Рюрикомъ ряды вся уконча о Руской землѣ».<sup>42</sup>

Именно этот факт, подробно описанный в летописи, позволил предположить, что «Слово» было создано уже после смерти Святослава Всеволодовича<sup>43</sup> и что стяги Рюрика и Давида упоминаются в комментируемом фрагменте «Слова» не только в своем прямом, исконно военном значении как боевые княжеские знамена, но и как атрибуты власти, которая «нынѣ», после смерти великого князя Святослава в июле 1194 г., реально перешла в южной Руси к братьям Ростиславичам.

Дополнительным аргументом в защиту предположения о написании «Слова о полку Игореве» уже после смерти Святослава является, на мой взгляд, и самый смысл проанализированного выше «авторского плача». Возможно ли, чтобы автор «Слова» при жизни Святослава сокрушался о том, что на киевском столе нельзя было удержать князя Владимира, заявляя тем самым «в лицо» великому князю Святославу о его неспособности быть сильным князем? При всей сложности проблемы датировки «Слова» приведенные выше факты и соображения необходимо принять во внимание. Вопрос, который сразу возникает далее в связи с комментируемым текстом: о какой «розни» Рюрика и Давида мог вспоминать автор «Слова»? Только ли о сорванном Давидом совместном выступлении князей против половцев летом 1185 г. как о «розни» князей-братьев идет речь в этом фрагменте?

Имеющийся материал летописных известий как в Лаврентьевской, так и в Ипатьевской летописях не позволяет в полном объеме представить отношения Ростиславичей в эти годы. Однако сведения Лаврентьевской летописи позволяют увидеть «рознь» в поведении обоих братьев в самом начале «розмирья», «вражды» князей, приведших к феодальной войне 1195—1196 гг. В это время как Давид Ростиславич решительно выступил вместе с великим князем Всеволодом Суздальским и его вассалами — рязанскими и муромскими князьями против Ольговичей, Рюрик, видимо, помня о своем особом статусе великого киевского князя, хотел, как пишет об этом его летописец,<sup>44</sup> «свести в любовь» враждующих князей, несмотря на то что ранее сам призывал Всеволода выступить в поход против Ольговичей. Лаврентьевская летопись сохранила неблагоприятную оценку этой деятельности Рюрика, отражая, по-видимому, точку зрения владимирского летописца: «Рюрикъ же не управи своее рѣчи и приступи къ Олговичемъ».<sup>45</sup> Эти колебания Рюрика, хотя и недолгие, зафиксированные современной летописью, позволяют думать и о других возможных

<sup>42</sup> ПСРЛ М, 1962 Т 2 С 681—682

<sup>43</sup> Подробнее о предлагаемой мной датировке «Слова» 1195—1196 гг см Демкова Н С 1) К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» С 72—77, 2) Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» С 48, 72 Такое же понимание выражения как указание на время создания «Слова» («между 1195 и 1198 годами») было высказано И М Снегиревым (Русский вестник 1820 Кн 9 С 67—68)

<sup>44</sup> См ПСРЛ Т 2 Стб 696

<sup>45</sup> ПСРЛ Т 1 Стб 413

случаях расхождения и «розни братьев», оказывающихся в различно ориентированных военных союзах.

Возвращаясь к анализу смысла комментируемого фрагмента, нужно заметить, что вряд ли следует «привязывать» емкий, обобщающий события действительности текст «Слова» к тем или иным отдельным летописным известиям. С моей точки зрения, словом «нынѣ» автор обобщенно обозначил всю современную ему эпоху неразумного княжеского правления, несогласия и кровопролитных войн, противопоставленную им идеализированному времени «первых князей», и прежде всего времени властвования в Киеве «старого Владимира». Обобщенный и монументальный характер этого противопоставления двух эпох — «первой» и «нынешней», эпохи созидания и эпохи разрушения, делает значимым и не случайным упоминание имен двух князей Ростиславичей, выступающих символом эпохи сегодняшнего дня, своего рода ее опознавательным знаком, подобным образу «старого Владимира» для эпохи «пръвьхъ князей».<sup>46</sup> В столь же обобщенном смысле автор «Слова о полку Игореве» использует и образ стягов как символ власти этих князей.

---

<sup>46</sup> Отношение автора «Слова» к Рюрику и Давиду Ростиславичам, как и в целом тема «Ростиславичи и Ольговичи в XII в», не могут быть, к сожалению, рассмотрены в данной публикации. Однако следует иметь в виду исключительно напряженный характер отношений этих двух ветвей рода Ярослава Мудрого, находящихся в ситуации постоянного политического соперничества. Недавняя статья А. М. Зеленокоренного не внесла в эту тему ничего нового, сбивчиво повторив сведения, ставшие хрестоматийными, из исследований Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, комментариев Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова (см. Зеленокоренный А. М. Ростиславичи в «Слове о полку Игореве» // Сборник русского исторического общества М., 2002 № 8 (156) С. 282—286).